

— Я понял, ты — Цзяо Ян, — произнес А Ка.

После того как небожитель А Ка узнал в мне молодого господина Цзяо, ситуация приняла странный оборот. Я готов дать голову на отсечение, что он заключил с Цзан Гуаньмо какой-то нечестный договор, и этот чертов чужестранец по фамилии Цзан наверняка задумал продать меня ему в услужение, чтобы я пахал на него как вол.

Говорить так было, пожалуй, неблагоприятно, но как бы то ни было, А Ка снял свой перепачканный фартук, откинул створку стойки, вышел из-за барной стойки и, схватив меня за руку, вывел через заднюю дверь в переулок. Цзан Гуаньмо с безмятежной улыбкой наблюдал за происходящим, позволяя твориться этому беспределу прямо у него на глазах, и даже не подумал меня спасти. Вместо этого он спокойно забрался за барную стойку и принялся направо и налево смешивать коктейли, прикрываясь именем А Ка. Эта подворотня выглядела точь-в-точь как декорации из любого фильма про бандитские разборки — идеальное место для убийств, поджогов, изнасилований и наркоторговли. Не хватало только пары куч мусора для полноты картины.

Я хлопнул себя по груди и спросил:

— Какого черта ты вообще задумал?

А Ка ответил:

— Станцуй что-нибудь, хочу посмотреть на твои движения.

— Чего? — переспросил я.

А Ка вздохнул:

— До сих пор не дошло? Этот паренек по фамилии Цзан четыре ночи подряд не давал мне прохода. Какими только грязными методами он не пользовался, я чуть с ума не сошел, каждую ночь от бессонницы мучился. Делать нечего, пришлось согласиться тебя учить.

Я стоял как дурак и спросил:

— Чему учить?

— А чему еще? Уличным танцам. Иначе за счет чего ты собираешься с ним конкурировать? Да ну вашу мать, с меня хватит! Весь день только и делают, что шпыняют меня этим, — я со злостью рывкнул на него. — У меня вообще никакой базы нет, ты что, надеешься, что за одну ночь я вдруг всё пойму? Ты настолько крут?

А Ка усмехнулся. Подумалось: если бы Чжан Цзичжун увидел его сейчас, то не пожалел бы никаких денег, лишь бы подписать с ним контракт — вот уж поистине воплощение стиля великого мастера!

А Ка сказал:

— А ты как думал? С чего бы тогда этот сопляк Цзан Гуаньмо из кожи вон лез, умоляя меня о помощи?

Полтора часа спустя А Ка приволок меня обратно к барной стойке. По правде говоря, мне было до ужаса стыдно показываться на людях в таком жалком виде, но сил не осталось вовсе, ноги словно были не моими.

А Ка швырнул меня на высокий барный стул и вновь принял своё обычное невозмутимое выражение лица, словно каменная статуя. На его лбу не было ни капли пота, в то время как я промок до нитки — хоть выжимай, прямо как рыба, вытащенная из воды.

Цзан Гуаньмо, у которого совесть, похоже, давно была скормлена собакам, увидев моё жалкое состояние, обрадовался так, будто выиграл в лотерею. Он с благодарностью хлопнул А Ка по спине:

— Спасибо, дружище!

А Ка перевел взгляд с меня на него, уголки губ дернулись, и он по привычке взял шейкер. Нахмурившись, он спросил у Цзан Гуаньмо:

— В шейкере что-то есть?

— А, чуть не забыл! — Цзан Гуаньмо, похоже, пребывал в таком возбуждении, что сам не понимал, чему радуется. Он хлопнул себя по лбу, взлохматил волосы — у него явно случился приступ гиперактивности. — Я всё сделал, как ты учил, намешал джин-тоник.

Он перелил напиток в бокал, пододвинул его ко мне и сурово скомандовал:

— Пей. Я был выжат как лимон и, едва дыша, приоткрыл веки, чтобы взглянуть на него. Он наконец сменил гнев на милость и посмотрел на меня с неким подобием сочувствия.

— Ты же только что говорил, что хочешь пить? Я сам его смешал.

Я тихо пробормотал, что именно потому, что он сам его смешал, я и боюсь пить. Несмотря на эти слова, я всё же проявил вежливость и сделал несколько глубоких глотков.

— Ну и как? Какой вкус?

— Ну ты и спросил, — я мотнул головой, разбрызгивая капли пота. — Точно такой же, как и у того, что ты только что пил.

А Ка бросил мне полотенце, накрыв им голову.

— Цзяо Ян, ты ничего не смыслишь. Каждый человек смешивает по-своему. Даже у одного и того же человека коктейль для разных людей будет разным. Алкоголь может поведать и о любви, и о ненависти, и о глубине чувств.

Я сделал ещё глоток, но, честно говоря, так ничего и не распробовал.

Цзан Гуаньмо потянул меня за собой, сказав, что уже поздно и нам пора возвращаться в концлагерь. Услышав слова А Ка, он с улыбкой легонько похлопал меня по щеке:

— Конечно, вкус другой.

— Да-да, — я полуживой плёлся следом за ним через толпу к выходу из бара. — Твой напиток самый вкусный.

— Знаешь почему?

— Просвети меня.

Он поднял голову. Звёздное небо в чёрном бархате ночи отражалось в наших глазах, прозрачное и сверкающее.

— Потому что я добавил туда любовь.

Когда мы вернулись на виллу, не было и десяти, и все ещё не спали. Проходя по коридору, я потерял равновесие и чуть не столкнулся с Фэн Суем.

Тот поспешно подхватил меня и озабоченно спросил:

— Вернулись? Слушайте, у вас нет берберина или какого-нибудь средства от диареи?

— Нет... кхм, нет, — после того бокала Цзан Гуаньмо я никак не мог перестать кашлять. Всю дорогу я был невероятно возбуждён и без умолку рассказывал ему страшилки, так что, видимо, парень перепугался, побледнел и перестал обращать на меня внимание. — Что... кхм, случилось?

— Цзинь Ли, — Фэн Суй махнул рукой и бросился к комнате Линь И и Линь Эра. — Похоже, японская кухня не пошла, мучается с животом, уже три или четыре раза бегал.

Цзан Гуаньмо рассмеялся и тихо проговорил:

— Я впихнул в него столько устриц, неудивительно, что его пронесло.

Мы вошли в комнату. Хотя за вечер я выпил не так уж много, да и градус был низким, я всё равно привык к чистой воде, поэтому слегка захмелел. Подняв взгляд, я увидел у Цзан Гуаньмо три глаза.

— Брат, у меня на душе так тепло.

Все три глаза смотрели на меня с нескрываемым раздражением:

— Чему ты там радуешься? Это было приготовлено не для тебя.— Не ради меня, так ради кого же ещё?

Трехглазый чудик проговорил это, а я, глядя на его ехидную гримасу, лишь в очередной раз убедился, что не могу его терпеть.

В этот момент братец Бай Лан опять затянул свою Алмазы, алмазы, сверкают и сияют. Трехглазый выудил из моего кармана телефон, мельком глянул на экран и швырнул его мне:

— Эй, твоя будущая женушка звонит.

Я подхватил телефон и, даже не глядя, нажал ли я кнопку ответа, просто швырнул его на кровать и провалился в тяжелый сон.

Ясное небо, яркое солнце, помоги мне взлететь высоко.

На самом деле трудности — это обычно лишь начало пути, а вопрос в том, как долго ты сможешь упорствовать, когда кажется, что сил преодолеть преграду больше нет.

У боли нет конца, и, возможно, стоит лишь на мгновение задуматься, повернуться спиной — и всё, я сдался.

А может, стоит стиснуть зубы и дойти до самого конца, просто прожив эту жизнь.

И тогда, когда-нибудь, я увижу, каким ты станешь в старости.

Такой молодой, поклявшийся никогда не склонять головы.

Я внезапно вернулся в свои двенадцать лет. Лянь Дун, этот паршивец, однажды ранним утром украдкой и с гордым видом затащил меня под огромное дерево, чтобы похвастаться. Солнце пробивалось сквозь листву, тени сплетались в узор, а Лянь Дун со своей мерзкой физиономией зашептал: Эй, Цзяо Ян, мне прошлой ночью приснилась женщина.

— Да ты, блин, поц! — в ту пору я уже был невероятно азартным, и то, что он первым увидел эротический сон, привело меня в ярость. — Чего не позвал меня?!

Лянь Дун вырвался из моего захвата, побежал вперед и, намеренно чмокая губами, состроил рожу развратника: Звать тебя? Зачем тебя звать? Салага.

— Ах ты, разошелся, — я бросился за ним в погоню. Всякий раз, когда я протягивал руку, до цели не хватало каких-то сантиметров, край его рукава вечно ускользал из-под моих пальцев. — Да ты небось в кровать надул, а? Сколько простыней сменил? Точно надул, отвечаю.

Тени деревьев колыхались, мы, два мальчишки, неслись сквозь время, неловкие и юные. Лянь Дун всякий раз оглядывался, его глаза светились радостью, а черты лица становились всё резче. Я отчетливо видел, как он растёт, прибавляя дюйм за дюймом.

А я кто такой? Никогда не оставался в долгу, всегда полон боевого духа — не позволял ему первым дотянуться до верхнего края доски.

Полюции, ломка голоса, девчонки, рукоблудие, экзамены, выпускной.

Мы наконец-то выросли.

Лянь Дун в последний раз обернулся: Эй, Цзяо Ян, я влюбился в одну девчонку. И это уже не

во сне.

Свихнулся ты, — я хмыкнул, — мы же все еще во сне, и в кого ты там влюбился, дай-ка погляжу.

Лянь Дун протянул руку к синему небу. Я посмотрел туда: солнце вставало на востоке, заливая всё вокруг сиянием. Кто? Кто это, черт возьми?

Я изо всех сил всмотрелся, и вдруг все стало отчетливо видно. Меня аж передернуло от потрясения.

Черт, это же Цзан Гуаньмо с его четкими, выразительными чертами лица, спящий ранним утром. Хотя кровати стояли отдельно, расстояние было небольшим, и я все видел — это было чистое искушение.

Если жизнь несправедлива, то почему у него такой высокий нос? словно крючком притянут. Я с чувством легкой обиды коснулся пальцем его переносицы, и зависть нахлынула, словно паводок. Каков же он, мать его, красивый. Я это еще два года назад понял: мужская внешность наполовину зависит от того, насколько удался нос. А у меня — сплошное разочарование, даже если надену стильные очки, они вечно сползают.

— Янки, — пробормотал я, внимательно разглядывая его, и сложил губы в усмешке. В глубине души шевельнулось то бесстыдное чувство, называемое тщеславием — будто этот его прекрасный нос принадлежит мне.

Я зашевелился и почувствовал неприятную липкость. Опустив взгляд, понял, что до сих пор в одежде, в которой спал, — она уже, наверное, плесенью покрылась после еды и того, как А Ка прогнал меня через все круги ада. Я был весь в поту. Ощущение липкости стало невыносимым, я вскочил, схватил сменную одежду и рванул в ванную, но едва сделал первый шаг, как услышал пронзительный визг.

У меня душа в пятки ушла.

К счастью, голова была забита скользящим шагом, которому меня учил А Ка, так что я не успел перенести вес на ногу и, услышав вопль Юаньбао, сразу отступил. В общем, никакой серьезной травмы маленькому предку я не нанес.

Но Юаньбао твердо вознамерился со мной покончить. Со слезами на глазах он отпрыгнул из-под моих ног, забрался на соседнюю кровать, уселся своим жирным задом прямо у уха Цзан Гуаньмо и засунул лапу в рот. Такой обиженный, такой несчастный. Я пытался задобрить его, как мог, даже выудил из сумки сушеную сливу, но он и ухом не повел. Даже попытался стянуть с себя свой цветастый жилет, чтобы окончательно показать, что не прощает меня.

Черт, да я тебя прибью!

Я засуетился, разозлился, даже замахнулся, но, в конце концов, рука не поднялась.

От этого шума Цзан Гуаньмо перестал корчить из себя загадочного красавца и наконец протер сонные глаза. Он поднял руку и столкнул жирный зад Юаньбао:

— Цзяо Цзяо, ну ты даешь. С самого утра устроил балаган.

Я посмотрел на его полусонное, затуманенное лицо и глупо буркнул в ответ:

— Не надо тут на меня наговаривать.

Цзан Гуаньмо почесал затылок, прищурился, глядя на Юаньбао, и нахмурился:

— Ты на него наступил?

— Нет.

— А что тогда у твоего сына на животе? Я присмотрелся — и меня тут же прошиб холодный пот. Черт, Юаньбао вчера объелся, и у его цветастой мини-рубашки разошлась застежка: на белой-белой шерсти красовался след от пыльного ботинка.

Убийца найден, улики налицо, поведение возмутительное. Посрамившись до глубины души, я опустил свою грешную голову:

— Я вообще не со зла! Мелкий сам не пойми что удумал, ломается без конца. Может, спросим у Люй Цю, не болит ли у него чего?

— Не нужно.

Цзан Гуаньмо успокаивающе погладил Юаньбао по голове, и тот ласково принялся тереться о него. Мать твою, я мысленно заскрипел зубами: да вы точно одного поля ягоды!

Цзан Гуаньмо, всем своим видом излучая барскую небрежность, широко раскинул руки и ноги, на ходу надел майку и, подойдя ко мне, взъерошил мне волосы и с силой толкнул в ванную:

— От тебя же***няет как от козла.

Задернув шторку, я встал под душ. Цзан Гуаньмо включил на полную громкость компакт-диск и, прислонившись к косяку двери, завел со мной ленивую беседу.

Тут-то я и выяснил, что вчера, бросив телефон, вырубился мертвецким сном. Цзан Гуаньмо принимал ванну и слушал музыку, да начисто забыл забрать Юаньбао обратно. Постепенно все по комнатам разошлись спать, и Юаньбао пустился в странствия по мотивам бродячего кота. Нашагав толстыми лапами обратно в комнату, он дал Цзан Гуаньмо потискать себя с умилением, а когда пришел ко мне на кровать желать спокойной ночи, я уже дрых без задних ног. Во сне меня даже не дождалось теплое поглаживание: Юаньбао просидел у кровати всю ночь, только и ожидая, пока я проснусь. Кто бы мог подумать, что наградой за долгое бдение в холодной хижине станет увесистый шлепок моей пяткой. Любого на его месте переполняла бы жажда мести, не говоря уже о том, что он вообще-то кот.

— Ты серьезно? — я выключил душ и протянул руку. Мне в ладонь сунули огромное полотенце.

— Неужели я настолько бесчеловечный?

— Было бы у меня время шутки с тобой шутить.

Он пошуршал чем-то снаружи — уж не знаю, чем там занимался — и вдруг резко дернул занавеску. Я от неожиданности вздрогнул и рефлексивно выхватил огромное полотенце, молниеносно обмотав его вокруг пояса.

По ту сторону шторки обнаружилась нахальная ухмылка Цзан Гуаньмо. В руках он держал видеокамеру — я пригляделся, новейшая модель Sony. Уголки моих губ сами собой расплылись в лстивой улыбке, а правая рука непроизвольно потянулась вперед. У меня была одна

слабость: стоило завидеть вещь подороже, руки так и чесались полапать ее и оставить свой след, и с этим ничего нельзя было поделаться. Цзан Гуаньмо, глядя на меня такого, только веселее осквернился и всю нажал на запись:

— Ну-ка, Цзяо Цзяо, прими пару крутых поз.

Пф, проще простого! Даже без позы я выглядел достаточно круто. Мы еще долго дурачились и хохотали, причем я так до конца и не выпустил из левой руки большое полотенце. Цзан Гуаньмо опустил камеру ниже, явно с недобрыми намерениями. Я насторожился:

— Цзяо Цзяо, — он поднял глаза и подмигнул мне, — стесняешься?

— Катись-ка ты, — я усмехнулся мрачно и зловеще. — Давай померяемся размерами? Слабо?

Он цыкнул языком, склонив голову набок, а уголки его губ изогнулись еще сильнее. Одной рукой он ухватился за пояс брюк и со звуком шлепнул резиной:

— Смотри не проиграй так, что придется не только штаны отдавать, но и...

Тут он сам согнулся пополам от смеха и отмахнулся от меня.

Я выдохнул и прижался спиной к стене. Кафель затуманился от паров, а в груди отчаянно колотилось сердце, только что вырвавшееся из безвыходного положения. Открыв холодную воду, я хорошенько ополоснулся, вытерся и оделся.

Приведя себя в порядок, я вышел. Юаньбао, кажется, уже немного остыл: зажав в лапах мою сливу, он методично запихивал ее в рот. Я осторожно погладил его — ничего, вроде бы обошлось, кот издал ласковое пищание.

— Братец, — Цзан Гуаньмо как раз застилал постель, и, услышав мой голос, даже не поднял головы. — Чего тебе?

— А что я вчера говорил?

— Ни черта ты не говорил.

Услышав это, он, казалось, страшно разозлился и тут же обложил меня трехэтажным матом.

— Ох... — я почесал за ухо. — Значит, только храпел?

— А то как же? — он лениво глянул на меня. — Вроде среди ночи вставал пописать.

— И что, пописав, больше ничего мне не передал?

Я принялся ублажать Юаньбао, поглаживая его по животу, и великий господин кот милостиво чмокнул меня в руку, даруя прощение.

— Ты меня за больного держишь? — вытаращился он. — Посреди ночи не спать и караулить, пока ты отмочишь свои дела, чтобы выслушать твои указания?

С этими словами он подтолкнул меня к выходу: всё, идем завтракать.

— Ну... неужели я не хвалил тот джин-тоник, что ты намешал? Он был такой вкусный... В тот стакан ведь добавили... специи... ну тот самый?

Добравшись до двери, я с надеждой уставился на него.

— Нет, — пробурчал он. — Я тебя целый вечер прождал, а ты ни словечка не вымолвил. Сначала нажрался, потом вырубился, прямо как осел.

Надо признать, стоило сказать спасибо этому бестолковому звездному фанатику Лянь Дуну, чья неразбериха случайно вывела меня на счастливый номер. Теперь и мне выпал шанс прочувствовать на себе обращение полужезды.

Раз компания выделяет деньги и готова вкладывать силы в мое обучение, пусть я даже всего лишь временный фон для массовки, все равно это выпадает на благодатный период роста и развития. Ешь на здоровье, потребляй всё самое питательное. Раз платит не из своего кармана, я готов наесться до отвала.

Вот это грандиозные планы! Завтрак выдался на редкость роскошным: на длинном столе выстроилось всё, что только можно вообразить, вплоть до комплексных витаминов.

Секси, вооружившись стопкой рецептов, принялся массировать каждому плечи:

— Не забывайте налегать на белок. Танцы отнимают уйму энергии и сил, тут парой калорий не отделаешься.

Цзан Гуаньмо сразу показал себя человеком бывалым: тщательно отсортировав еду, он наложил полную тарелку и поставил перед собой. Но едва собравшись поесть, он нахмурился, заметив содержимое моей тарелки, и критически протянул:

— Цзяо Цзяо, у тебя вообще мозги есть?

— Мозгов нет, зато аппетит отменный, — я засунул в рот яичный тарт.

Цзан Гуаньмо отвесил мне звонкую затрещину со словами, что надо питаться сбалансировано, а с таким подходом через три месяца меня ждут диабет и прочие прелести.

Люй Цю сидел поодаль и всюю посмеивался над нами. Юаньбао, стоило лишь заметить его, тут же предал меня, залез прямо в тарелку к Люй Цю и принялся усердно лакать молоко.

Секси аккуратно закрепил меню на магнитной доске, подошел к столу и, взглянув на Люй Цю, без тени сомнения высказал упрек:

— Почему выковырял желток?

Люй Цю поднял на него глаза:

— Не люблю.

Секси не стал спорить, лишь соорудил свою неизменную похоронную физиономию, подцепил ложкой желток и строго швырнул его обратно в тарелку Люй Цю.

Подумаешь, подал голос Цзан Гуаньмо, вставая на защиту Люй Цю. — Человек что хочет, то и ест, больно много ты на себя берешь, дядя.

Я вздохнул, потянул Цзан Гуаньмо за край рубашки и покачал головой.

Люй Цю, оказавшись в неловком положении, принялся трепать Юаньбао по голове:

— Я правда не люблю, это у меня с детства.

Секси презрительно фыркнул:

— Какое еще с детства? Думаешь, уже взрослым стал? Сопляк сопляком.

Лицо Люй Цю помрачнело. Закусив губу, он схватил ложку и проглотил целый желток, словно горькое лекарство. Проглотив, даже не запил водой, а так и замер, тупо глядя на Юаньбао и поглаживая его по макушке.

Черта с два! Цзан Гуаньмо с усмешкой хлопнул себя по тыльной стороне ладони и повернулся ко мне:

— Ой, чуть не забыл! Позвони-ка своей будущей женушке, а то я вчера ее разыграл.

— И чем же ты ее напугал? — переспросил я без особого интереса. — Рядом со мной эта девчонка ничему толком не научилась, разве что утянула у меня десятую долю моего ума. Ни за что она не купится на твои рассказы.

— Я сказал, что тебя похитили и возвращать не собираются, сколько ни плати выкуп, так что пусть оставляет надежду и выходит замуж за другого, — ухмыльнулся он. В этот момент как раз подошел Фэн Суй, и они налету отбили друг другу ладони в знак приветствия.

Когда вызов наконец прошел, Чжоу Ли еще толком не проснулась. Она сонно забормотала:

— А? Цзяо Ян? М-м...

Мне стало досадно:

— И вовсе ты не переживаешь за меня, а ведь я между прочим пострадал!

Услышав это, Чжоу Ли весело рассмеялась:

— Брось заливать! Наверняка давно про меня забыл. Мало того что вчерашним сном спал и трубку не брал, так теперь еще и с утра пораньше звонить вздумал.

Я на мгновение умолк. Весь мой запас заготовленных остроумных и болтовни куда-то внезапно испарился, оставив пустоту. Смотря в динамик, я словно видел перед собой улыбающееся лицо Чжоу Ли:

— ...Ли, мне плохо.

По идее, девчонка должна была тут же подняться шум, начать капризничать или подначивать меня в ответ, но вместо этого повисло безмолвие. Мы с ней прожигали время в незаметном взрослении. Чжоу Ли тихо произнесла:

— Тебе не плохо. Переждем этот момент, вернемся домой, и все снова будет хорошо.

Я угукнул и чутко подметил:

— Чего это ты такая уставшая? Во сколько вчера легла?

— А... Ну... — девчонка замялась.

Я надавил:

— Чем ты в последнее время занимаешься? Опять зависишь на форумах о шоу-бизнесе? Снова постишь под ником Матушка Декс?

Дело было с полгодика назад. Чжоу Ли тогда на какое-то время увлеклась одним молодым актером, заявляя, что его специфическое чувство юмора невероятно милое. Она бегала по всяким развлекательным форумам в поисках сплетен, а под конец у нее зачесались руки самой что-нибудь написать. Она спросила меня, какой ник выбрать, и как раз в тот момент, когда я пел ослику из штата Техас песенку, чтобы вылечить ее послеродовую депрессию, я брякнул первое попавшееся: «Матушка Декс».

Тогда Чжоу Ли до того покраснела от удовольствия, что тут же зарегистрировалась под этим ID.

Вспоминая об этом, я даже испытывал легкую гордость. Чжоу Ли же молчала на том конце провода. Наконец она с тихим вздохом произнесла:

— Цзяо Ян, я больше не сижу на форумах. Теперь я... болтаю в сети с одним знакомым. И ник у меня больше не Матушка Декс — больно уж глупо звучит.

У меня едва дыхание не перехватило. Черт, с чего это он глупый? Когда я хвастался им перед Лянь Дуном, тот наперебой расхваливал, как это в моем стиле.

— Теперь меня зовут Ло Лин, — посвежевшим голосом усмехнулась она.

— Ну и пошлость. Вешаю трубку.

Сбросив вызов, я ждал, пока внутри закипит буря гнева, но в итоге поднялась лишь легкая рябь, которая тут же бесследно растаяла. Оглянувшись на уходящий вглубь коридор, я увидел впереди необъятный простор и чистое небо.

В шестилетнем возрасте я ходил с отцом ловить рыбу в море. Рядом рыбачил мальчишка моих лет — судя по всему, старый и опытный волкодав. Ростом он был поменьше меня, но реагировал молниеносно: стоило ему опустить руку в воду, как он вытащил увесистую рыбину и, не скрывая торжества, бросил на меня вызывающий взгляд.

Мелкий паршивец, напросился на тумаки! Я шмыгнул носом и уже было собрался броситься на него с кулаками, как отец схватил меня за шкуру, точно цыпленка:

— Цзяо Ян, заруби себе на носу: ты самый обыкновенный человек, и никаких талантов при рождении у тебя нет. Не умеешь — так сиди и тупо тренируй до посинения. Только упорным трудом можно заработать победу и получить право задираить нос. А если ни черта не делаешь и пытаешься красоваться ради собственной гордости — ты просто слюняй.

В тот день эти слова, словно заклинание, врезались в память посреди бушевавшей бури.